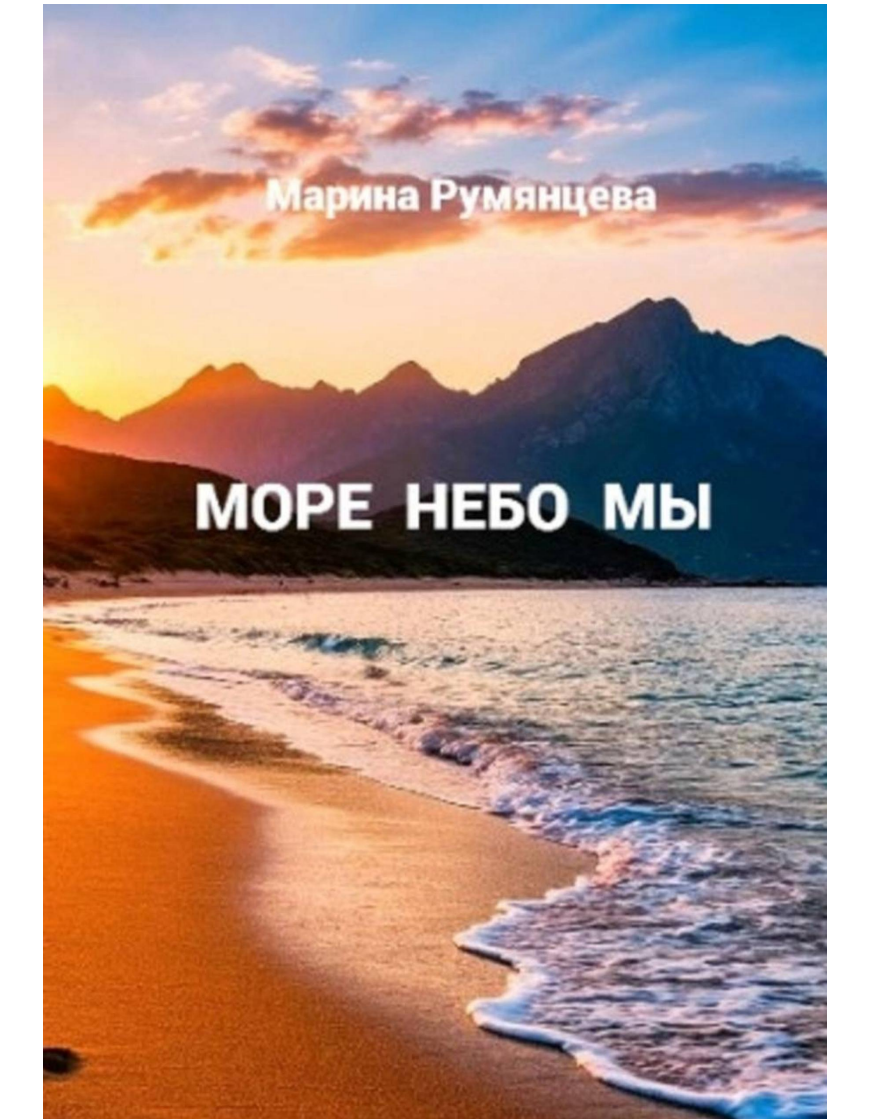

Марина Румянцева

МОРЕ НЕБО МЫ

Марина Румянцева

МОРЕ НЕБО МЫ

<https://litres.ru/74376102>

SelfPub; 2026

Аннотация

Произведение сочетает в себе яркую событийность и авторский философский подход, реалистичность и, одновременно, необычность происходящего.

Книгу можно рассматривать и как вторую в дилогии, и как самостоятельное произведение. Первая повесть – «Сашенька» была написана автором двадцать лет назад.

Героиня романа, Елизавета, женщина весьма необычной судьбы, встречается с дочерью, с которой жизнь её разлучила много лет назад. Благодаря острому уму и харизме главной героини, читатель начинает ощущать симпатию к ней уже с первых глав романа.

События происходят в некоей легко угадываемой восточной стране. Приключения обеих героинь и поддерживающих персонажей описаны захватывающе и легко.

Все образы и детали произведения так филигранно вписаны в сюжет, что читатель будто видит происходящее своими глазами. Текст пронизан неповторимым авторским юмором.

Книга «Море Небо Мы» продолжает серию нетривиальных детективов Марины Румянцевой, позволяющих читателю не только развлекаться, но и думать.

Марина Румянцева

МОРЕ НЕБО МЫ

Часть первая

1.

За моим окном чудесный пейзаж, состоящий из моря и неба, а если подойти поближе, картинка дополняется горами, обнимающими бухту, и кусочком пляжа, на котором греются косточки отдыхающие со всего света.

Иногда я спускаюсь со своего «ласточкиного гнезда» и, прикинувшись одной из них, наблюдаю нравы человеческого сообщества, объединенного пусть не долгим, но таким сладостным состоянием праздности. Ну и, скажу вам, ничего нового. Все также обгорает кожа, валяются из рук сморенных сном загоральщиков в мелкий белый песок книжки и гаджеты, осторожно вьётся сигаретный дымок, визжат дети, гордо демонстрируются тела, прячутся в тенёк тела, торчат из моря головы пловцов... Редко можно увидеть сюжет, достойный внимания.

Природа же, несмотря на всю её кажущуюся статичность, не отпускает взгляд –спокойная лазурь моря, зелёные горы, солнце, незаметно перемещающееся по небу, от одного его края до другого. Три края неба лежат на горах, четвертый

полощется в море... Так было всегда, а то, что происходит под ним – суета сует и всяческая суета.

Для посещения людных мест, я могу принять практически любой облик – от девушки неопределенного возраста и занятий, до бабки-ёжки с этакой патиной европейского лоска. А при необходимости – и дедушки... Лицедейство – весьма занятная вещь.

Мне нет нужды обманывать окружающих нарочито ухоженным экстерьером или блеском на пальчиках и в ушах, плавностью походки или многообещающей игрой ягодичных мышц, незачем изображать превосходство королевы пчелиного роя... Всё, что можно поиметь, используя эти нехитрые приёмчики, у меня уже есть. И, право, не стоит так утруждать себя из-за реквизита. Не он является критическим преимуществом жизни, не он.

Хотя, нужно признаться, дорогие игрушки вещь, на определенном этапе личностного развития, весьма приятная. Больше всего мне нравились, да что там, и сейчас нравятся хорошие машины. Видно, наличествуют-таки во мне гены древних амазонок. Ах, как это сладостно – ощущать под собой мощь и показное смирение железного коня... Теперь к моему беспокойному хозяйству приписан личный шофёр, также, как и специально нанятые дворовые люди, а раньше-то я любила погонять по этим горам. Да и не только по этим. И не только по горам.

Много всякой воды – и чистой, и мутной утекло в мировой

океан за годы пребывания на этой земле... Мои жизненные реки теперь больше напоминают горные речушки с обманчивым сухим руслом – до первого дождика. Всякому своя судьба и свой срок. Каким кусочком жизненной мозаики нам стать, решается отнюдь не нами. Человеческая же планида – понять свое предназначение и следовать ему. Что-то типа «партия сказала надо! – комсомол ответил есть!». Застала я и эти прекрасные времена, и многие другие. И каждому времени соответствовала своя роль. Голливуд какой-то, честное слово.

Ухоженная набережная курортного местечка переходит в тропинку «под сенью деревьев», преимущественно тропических, бегущую меж отвесных скал – с одной стороны и всегда спокойного моря – с другой. Опускаются сумерки, из придорожных кафешек доносится музыка. Тянутся в переливающийся огнями на горизонте, чисто россыпь драгоценных камней, никогда не спящий город, любители ночной жизни. Пахнет нагретой на солнце хвоей и остывающим морем, стрекочут гигантские кузнечики, прячущиеся в ядовитых кустиках с такими нежными цветами... Если и есть рай на земле, то это определенно он.

2.

Сегодня вечером я – сухонькая, бойкая старушка в пляжной панамке, на которую сверху водружены очки типа авиаторских, а для полноты картины, под льняные недлинные

порчишки на тощих ногах, вздеты ещё и белые носочки. Старушка бодро направляется туда же, куда и большинство отдыхающих этим томным вечером – на barstreet весёлого приморского городка. Дабы отжечь по полной. А что, разве я не заслужила «немного солнца в холодной воде» этого мира? Еще как заслужила!

Поодаль, стараясь не попадаться на глаза, следует мой секретарь Ахметка. Его, конечно, с полным правом можно назвать и бодигардом, но мне не нравятся стандартные определения. Тем более, что круг его обязанностей составлен с неким интеллектуальным уклоном. Ахмет имеет несколько высших образований, немного смазливую, на мой взыскательный взгляд, восточную внешность, и совершенно бесценное для секретаря качество – в нужный момент всегда оказываться под рукой. Между нами установились отношения, приличествующие ситуации вынужденного сосуществования. Впрочем, его результаты, думаю, устраивают обе стороны.

В городе у меня назначена встреча со старым... нет, другом я его не назову, друзья не изобретают такие затейливые способы периодического устранения близких людей, но человеком, который является ангелом и демоном моей пёстрой жизни – пожалуй. Наставник, пока судьба не уравнила нас в правах, куратор, любовник и даже муж – точно не помню какой, ибо рано или поздно счёт мужей теряет смысл. Да и давно это было.

Вот он, с серебристыми висками ухоженной в салоне головы, даю руку – что ещё и пахнувший какими-нибудь «балдасариньями», за столиком кафе картинно склонившийся над латиницей толстой цветной газеты... Промашечка вышла, монамур, теперь в кофейнях модно склоняться над гаджетами с надкусанным яблочком. Ах, ручку целуете... А ручка-то у меня, вот незадача, возьми, да и не выдай биологический возраст. Не бабушкина ручка, не сморщенная куриная лапка, а вполне себе гладкая благородная длань. Ибо старалась я ничего плохого своими ручками по жизни не совершать, никого приставными ногтями не подманивать, куда попало пальцами не тыкать. Имею теперь чем гордиться. Да и не только ручками. Ножки у меня тоже ничего. Даже белые носочки вид сильно не портят. Мой визави про это знает, чего уж там. Поэтому на нынешний маскарад только бровь и вздёрнул. Да к делу перешел.

Дела же наши преисполнены тихой печали, как и всё, чем вынуждены заниматься здесь бессмертные. Печаль – неизбежное послевкусие общения с земной биосферой. Печаль, которую мы периодически себе подслащиваем всякими доступными способами. А их у нас много – и традиционных, и не очень.

Кстати, о сладком... Большая чашка капучино и фирменное воздушное пирожное с клубникой будут весьма кстати, также как и парочка нежных персиков, выдержанных в вишнёвом сиропе, полупрозрачных и источающих чудный аро-

мат. На десерт – непременно блинчик с начинкой из финикового варенья. Пожалуй, надо остановиться.

Собеседник всё это время смолит одну и ту же сигару, делая вид, что ему безразличен качественный и количественный состав моего ужина. Что, старый перечник, очередная молодая жена? Или опять на кровушку перешел? Впрочем, эти интимные подробности не так уж и интересны, проехали. Гораздо больше меня волнует собственно тема нашей беседы. Визави дождался, когда подойдет к концу блинчик, чтобы я часом не поперхнулась и, что называется, выдал.

Хотел врасплох застать да насладиться картиной изменения черт лица в вертикальном направлении с отвисанием, стало быть, нижней челюсти. Да только ничего кроме обычного натренированного покерфейса не увидел. А как ты хотел, милый, старая закалка. Только под пытками и сможешь лицеизреть что-то другое, ну так до этого ведь не дойдёт?

Я ж вам нужна в целости и сохранности, с лёгким румянцем на лице, и чтобы руки-ноги на месте. Здоровые конечности – залог выживаемости в дикой природе. А тот, кто предпочитает опасные игры, именно в ней и пребывает.

Дочь... Нашли они мою девчонку, как я её ни прятала... Как ни путала следы, как ни прикидывалась раненой птахой, скачущей прочь от гнезда на одной ноге, чертя по земле крылом... Ах, подлюки.

Ну да ничего, голыми руками ведь нас не взять, не для того в нас голубые инопланетные кровя плещутся, покою вам

не дают. Не смотри изучающе в мои глаза – там, кроме обычной прозрачной зелени и нет ничего, не подкарауливай реакции тела – всё давно под контролем. Только и осталось тебе ласково стереть кусочек финикового джема с моей щеки. Да и то я сильно сомневаюсь на предмет его наличия. Я же женщина аккуратная. Скорее, кожные покровы проверял, не покрылись ли они какой показательной испариной. До свидания, милый. Ходи осторожно, а то не доведется лично тебе обратить «на службу родине» нового солдата удачи.

Остаток ночи мы с Ахметкой вдумчиво протанцевали в одном приятном местечке для своих, особенно нам удавался аргентинский танец тайной и явной страсти. Той, которая разрушает и создает, создает и разрушает.

3.

Утренние экзерсисы – вещь, не отменяемая даже такой весёлой ночью, что случилась накануне. Я стою на своем балконе по-над пропастью, ветерок приносит запахи моря и цветов, вот-вот вылупится из раскаленного края воды яркий шар солнца. У меня ещё есть время, чтобы не спеша обдумать и выстроить события в нужную цепочку. Бесконечный летний день с его восточной истомой... «Кто понял жизнь, тот больше не спешит». Лучше, чем восточный же поэт-философ и не скажешь.

Я знала, что буду стоять на этом балконе, парящим между небом и морем, раскинув руки, чисто статуя бразильского

Христа, уже тогда, когда ещё ничто такого поворота событий не предвещало. Не скажу, что в совсем уж нежно-сопливом возрасте, но в достаточно-таки неосознанном. Это – когда ещё не поняты причинно-следственные связи поступков и их результатов, когда круги на воде, казалось бы, существуют самостоятельно, а не вкупе с брошенным туда камнем. А выручает только интуиция...

Вот за что уж спасибо Всевышнему, так это за неё. Чувство, присущее зверям и женщинам. О мужчинах природа позаботилась в меньшей степени, они – расходный материал эволюции. Так вот, интуиция, или иначе – предвидение. Необъяснимая, нематериальная категория... А какой замок-дворец на ней можно построить! Как мой, например. Вполне себе материальная вещь. Тонки грани меж материальным и нематериальным, ой, тонки.

Внизу несильно бьёт в огромные камни-валуны волна, пахнет морем и нагретой на солнце хвоей. Ветерок играет длинными, хочется сказать – интеллигентными, иголками гималайских сосен. Ничего, прижились на чужестранной земле... Как и я.

Не стоит сопротивляться судьбе – если она забросила тебя куда-то, значит так и нужно. Пускай корни, расти, принимай окружающий мир без ностальгий и прочих рефлексий жука-паралитика, чьей-то недоброй рукой перевёрнутого на спинку. Не войти в одну воду дважды, не войти. Кому, как не мне это знать – вон она, вода, кругом. Каждую секундоч-

ку – новая.

Итак, вдох, досчитать до восьми, задержать дыхание и длительно выдохнуть – тоже на определённый счёт. Так зажигается тот самый огонь внутри и блуждающий нерв начинает блуждать в организме именно там, где нужно. К тому же, здешний воздух может заменить всё – и еду, и питьё. Хорошо ещё, если голова в это время пустая... Но сегодня не удаётся уж совсем отвлечься от мыслей, как обычно. Однако и роптать на это нельзя – «мысль есть дар богов священный». Аристотель, между прочим. С мысли начинается всё, она, подобно лучу света, помогает найти выход даже оттуда, откуда он изначально не предусмотрен.

Моя девчонка... хотя какая она девчонка, прожитыми годами уже может резать век на четвертинки, моя дочь приезжает сегодня вечером. Почти два десятка лет я её не видела – чтобы не навлечь беду раньше времени, но из любого уголка нашего квадратного шарика, в который бы не забросила меня судьба, я смотрела на неё. Не за ней – это выражение отдаёт слезкой, а всё, что связано со спецификой трудовых будней, мне, извините, уже до отрыжки. Смотрела как она росла, как взрослела, делала успехи или ошибки, вот только быть рядом как материальное материнское тело – не могла. Помочь и подсказать у меня получалось, но как бы лучше выразиться, этак дистанционно. Я была как ангел или добрый дух бесплотный. Как интуиция или внутренний голос. Можно называть это как угодно, но суть одна – быть рядом,

когда рядом быть невозможно.

С человеком, которого любишь, связи крепче, чем какие-либо иные. Они не знают преград материального мира, потому что ему не принадлежат.

Ты там, где твоя душа. А брeнная оболочка, именуемая телом, хотя порой и чудо как хороша, но вторична. Редко удастся построить свою жизнь так, чтобы эти субстанции никогда не вступали в противоречие. В нашем быту, когда душа рядом с одними, а тело пользуют другие – вполне себе обычная история. В свете этого, все человеческие терзания по поводу «измен» становятся весьма двусмысленными, весьма.

Ну, да мы отвлеклись.

Какова же моя задача, роль, определённая нашими кукловодами, писателями земных сказок, тшцщимися кропать истории совсем иного масштаба? В лоб им копыто. А задача такова – обратить. Ибо любая организация – от домкома до мировой закулисы всегда нуждается в свежей крови. Наша же испытывает острую потребность не просто в свежей, а в свежей высшего качества. А народец вокруг все мельчает...

У большей части вяло бредущих по жизни субъектов кроушка прокисла уже с рождения. Приличные люди давно на перечёт. А уж «девки здоровые, работающие» вообще на вес золота. Ну вот, собственно, и объяснение тому, отчего так трепетно относятся и ко мне, и к моему потомству. Кадры ж у нас решают всё.

Нет, конечно, были, были попытки завести кого-то напо-

добие человеческих пчеломаток – для воспроизведения людских ресурсов хотя бы для собственных нужд. И хотя сама эта профессия, как и в любом приличном улье, весьма уважаема и доходна, дело не пошло. Не то чтобы не нашлось достойных кандидаток – были ах какие красотки, и не без царя в голове, и анализы все – залюбуешься... А вот. Нельзя обмануть матушку-природу. Качественная человеческая особь – товар штучный. И получается она от любви.

Хочу ли я передать по наследству эту весьма специфическую трудовую деятельность, свою нелёгкую земную работёнку? – А она ничуть не хуже любой другой. Опять же – труд, хотя и не бросающийся в глаза, но весьма почётный. Вот только ответственности многовато – ставши на этот путь, принадлежишь уже не себе, а всему человечеству. И оно, это человечество, ясное дело, пытается тобой всячески помыкать – дай то, сотвори это, подкинь денег, вылечи от обжорства (ибо все болезни от него, родимого), обеспечь успех безнадёжного дела, помоги в критической ситуации и так далее, и тому подобное. Может быть проще не доводить себя до этого? Вопрос, что называется, без ответа.

Многовато ответственности на нас, бессмертных... А сейчас выскажу совершенно крамольную мысль. И пусть почернеет среди белого дня небо, родится в глубине обычно спокойного залива волна, устроит переполох среди праздных купальщиков, с грохотом обрушится на берег. Резкий порыв ветра разобьет стёкла на моей веранде...

Бессмертен каждый, осознавший свое предназначение в этом мире.

4.

Вечером нам подстроят якобы нечаянную встречу, а пока – нужно привести в наилучший товарный вид то, что в человеке, по определению, должно быть прекрасно. Дочки в принципе хотят видеть матушек молодыми и красивыми, это утверждает их в мысли, что жизнь бесконечна и справедлива. – Ничто так не повышает настроение!

В сторону – панамки с белыми носочками. Я буду дама приятной и ухоженной наружности, ни одним своим фрагментом не выдающая излишки возраста и излишества бурной судьбы.

У каждой волшебницы всегда имеются помощницы в её добрых делах. У меня тоже есть. Вот она, моя помощница, идет-плывёт по аллейке к крылечку, помахивая чудесным саквояжиком, и улыбка её – как сахар-рафинад на плитке горького шоколада. Её зовут Айя, и никто на нашем побережье не делает лучше неё как минимум полсотни разновидностей массажа и не помогает скинуть заразу десятков-другой годков. Она напоминает мне Мамушку из «Унесённых ветром», прятавшую под кежуалом прислуги нижнюю юбку красного шёлка, а за суровым видом – доброе сердце... Хотя по возрасту в мамушки больше гоюсь я.

В сегодняшней программе – массаж заморскими камнями-

ми-стоунами, а также совершенно волшебным образом возвращающая, по крайней мере, во вторую молодость, маска из синих водорослей. Как видите, я не прыгаю в котёл с кипящим молоком и не натираюсь кровью девственниц. Я – такая же, как все. Ну, может быть, немного более адаптированная к жизни в экстремальных условиях. Как Беар Гриллс, не гнушающийся ни одним материальным предметом, который поможет сохранить себя в дикой природе. Материальным – подчеркиваю.

Пока горячие и холодные фрагменты лавы с далёких островов гармонизируют мой организм как таковой, пока я лежу, завернутая в кокон холстинки с водорослями, навожу порядок там, куда не могут добраться сильные, но нежные Айины руки – в сознании. В голове сейчас должно быть пусто – никакой, даже завалящей, мыслишки не допускается. Гуляет приятный сквознячок из чакры на темечке, да проплывают образы волшебных садов, золотых городов, космических далей... Всё это уже есть в нас, не нужно даже закидываться никакой химией, чтобы увидеть. И было всегда.

После процедур – освежающий сон прямо на массажном столе под тёплой простынкой, и как заново родился. Так я рождаюсь раза два-три в неделю. Кто ж мне запретит?

На обновлённое тело – простенький сарафанчик от Патрисии Пепе, на нос – брендовые очки, на голову – тщательно продуманный беспорядок... Ну а пальчики на всех конечностях и так всегда аккуратны, даже без повода. Что ещё?

Скромненький медальончик из благородного металла платина. Злато-серебро давно не ношу, все благоприобретённые колечки-на-пальчики ждут своего часа в заветной шкатулке.

Только, кажется мне, не мой это будет час, не мой.

5.

Почему для грядущей встречи пространственно-временного состояния, сладостно именуемого заслуженным отдыхом, я выбрала именно это место? Были ведь и иные, вполне себе достойные варианты...

С годами, если они-таки прожиты не совсем по-дурацки, начинаешь всё больше прислушиваться к себе, оказывать, наконец, уважение феномену, в просторечии именуемом человеческим организмом, проверять жизненные факты и явления уже производной от примитивной органолептики.

Вот, например – перед тем, как должно произойти некое событие, весьма полезно в виртуальную картинку грядущего инсталлировать свой прекрасный образ. И по ощущениям организма определить – а нужно ли вообще принимать в этом действе участие. Или нуегонафик. Как показал мой богатый жизненный опыт, вариант «пишшит, а лезет» обычно заканчивается разочарованием в результате содеянного. Разочарованием – в лучшем случае. Ежели этот пишшающий организм всё-таки достаточно крепок физически и психически. Персональная жизнедеятельность – сугубо индивидуальна, не работают здесь ничьи личные примеры или сово-

купные мнения.

Ну да мы отвлеклись. Почему же именно это место? Да просто потому, что оно уже было внутри меня. Вот эти горы и море, и даже себя над краем скалы, отгораживающей тихий заливчик с прозрачной водой, я видела каким-то волшебным нефизическим зрением. И ни минуты не сомневалась, найдя всё это уже наяву – покупать ли мне избушку, кособоко лепящуюся к горе. С которой открывался совершенно потрясающий вид. Вид стоил целую кучу денег, столько у меня не было и как бы, по материальным законам, даже не предвиделось. Но... всё уже «внутри нас есть».

Кстати, по поводу «внутри». Разглядывание собственного *in vivo* – занятие, требующее большого напряжения. А порой и зажимания носа, и подавления рвотных позывов... Главное здесь – принять весь этот ливер, как таковой, ужаснуться и встать на путь исправления. Не терять время и силы на «я не такой, как все». Такой. И даже хуже.

У меня на осознание и принятие сего факта ушла примерно половина земной жизни, это если без вредных привычек. С вредными – так и вообще практически вся.

Зато жизнь *in vitro*, вот красота-то, чисто кино. Хочешь участвуй, пробивайся на главные роли (с режиссёрством не так просто, поэтому данную возможность пока опустим), хочешь – просто смотри занимательное муви, только покорном не поперхнись. О чем это мы? Да о том, что синематограф для народа есть важнейшее из всех искусств, прав был

дедушка Ленин, ой прав.

Кстати, никогда не любила кинотеатры – ну, кроме домашних, разумеется. Как-то брезговала публичными зрительными залами, даже в пуританские времена отсутствия там еды и секса.

Да и вообще я – Шапокляк, старушонка вредная, чего там... Зато со мной не скучно.

6.

С сими оптимистичными мыслями, почти не касаясь каменной дорожки, ведущей к воротам моей заоблачной усадьбы, к авто у калитки – не иду, лечу. Дальше – море с одной стороны, горы с другой, солнце опускается за их тёмные хребты, наступает томный восточный вечер, страстно кричат цикады и, кажется, всё и вся вокруг ожидает явления, уже наконец, счастья. Где ж ещё и можно встретить эту волшебную синюю птицу, как не здесь. Не хотим мы никакого кузнеца, и быть им не хотим! Зачем он колотит молотками наше счастье, раскаляет его добела, кидает в холодную воду... Счастье ведь не предмет, оно – явление.

По сочинённой штатными затейниками легенде, нынче я – виайпи-гид для заслуживших интенсивным трудом или ещё какими жизненными достижениями, свой тур-индивидуале в наш земной рай. Для полноты антуражу мне предоставлены в служебное пользование джипок Wrangler, апартаменты в сосновой роще на берегу моря и кредитка с доста-

точно пластичным лимитом.

...А вот и мои важные персоны – что-то оживленно обсуждающая троица в распахнутых дверях аэропорта, две девочки и мальчик. Гибкий юноша, с выражением «люди, я пришел!» на симпатичной мордашке, в белых шортах и пёстрой рубашке, немного впереди спутниц – стало быть, Эрик. Юля, вполне себе достойно выглядящая мать этого молодого человека. И... сердце пропускает удар... Сашка, смотрящая вверх, на наше энергичное солнце, сдвинув за ненадобностью солнечные очки на кудрявую, немного растрёпанную голову. Моя дочь.

Сашка – художница. Не то, чтобы с мировым именем, но, что называется, востребованная. Персональные выставки на родине и за её пределами, недешёвые заказы, лакшери ту-совки, бурная личная история и, главное, возможность жить так, как нравится. И работа, работа до звёздочек в глазах и дрожания перемазанных краской рук. Это тоже – как нравится. Бойкая у меня девчонка. Есть в кого.

Да если б не боевой опыт, пала б я на каменные, нагретые солнцем плиты, да поползла, причитая и стеная... Ну а слёзы мои никто не увидит – высохнут на тёплом ветерке, пока прилетевшая троица ищет свои имена на табличке, которую я держу аки первомайский плакат. В ряду таких же демонстрантов, выстроившихся вдоль ведущей с неба на землю, то есть с крылечка на площадь перед аэропортом, лесенки.

Сумерки здесь – понятие условное. Минут десять – пят-

надцать после того, как солнце скатится за горы ещё светло, а потом – раз, и полная темнота. Мы едем, старательно разрезая эту темноту светом фар, она же смыкается за нами, совершенно невредимая... Море здесь не шумит, чего ему шуметь в этом томном заливчике. Его присутствие в темноте у подножия скал, чувствуется каким-то «спинным мозгом». Эрик, сидящий рядом со мной на пассажирском сиденье, вытянув шею, пытается рассмотреть морские горизонты в условных просветах между деревьями, но скоро бросает это бесполезное занятие. И, с грацией кота Васьки, располагается поудобнее, с целью задавания мне каверзных юношеских вопросов о жизни. Точи, малыш, коготочки о мой несокрушимый интеллект, остри свой ум. Он в нашей жизни – вещь основополагающая.

Сзади на сиденье – тихо, девчонки отдыхают после перелёта... Тоже хорошее качество – где сел, там и лёг. Нелишнее для выживания в дикой природе.

Надеюсь, я не выдала свои смятенные чувства при встрече. А то, что-таки читалось, некая волнительность, пусть спишется на странности модной бабули. Которая вместо того, чтобы копаться в грядках да смотреть сериалы, вынуждена тяжким трудом зарабатывать свой хлеб. Они даже не подозревают, каким тяжким.

Сашка, если усилием воли отвлечься от темы родной крови, произвела на меня благоприятное впечатление. Воспитанная и весьма интересная молодая женщина. Одета так,

что одёжки воспринимаются очередной органической оболочкой, следовательно – дорого. Без излишней дерготни, присущей «творческим натурам». С юмором. И абсолютно моими глазами... И, почти наверняка, она не могла не почувствовать что-то, объединяющее нас более, чем просто симпатия к случайно встреченному на жизненных путях человеку. Художник видит суть вещей. В этом его критическое преимущество.

В зеркало я наблюдаю как прилепившись друг к другу, аки единый организм, дремлют две женщины – помоложе и постарше. Чтобы вот так комфортно устроиться, заполняя своими физическими и метафизическими выпуклостями «впуклости» находящегося рядом, нужно прожить вместе много лет и многое же пережить.

Предательски колет сердце, немеют пальцы на руле... Нет. Не будет у меня ни инфаркта, ни даже микроинсульта. Я знаю волшебную формулу – «вдохни, выдохни и скажи». – Я бесконечно благодарна Юле, она ведь заменила Сашке меня. И результат получился отличный. Просто хочется, чтобы растрёпанная голова одарённой художницы, сморённой на заднем сиденье пробирающегося горным серпантинном джипка, наконец уткнулась в моё плечо.

Уже в кромешной ночи мы добрались до домика в сосновой роще, Эрик спал, даже перемещаясь, а девушки, наоборот, мечтали побежать купаться. От предложенной чашечки чая я отказалась – будет ещё завтрашний день, ближайшая

неделя, да и кто знает, может быть, и вся дальнейшая жизнь. Мы попрощались, пожелав друг другу спокойной ночи. Мчусь домой по горной дороге, наплевать на скоростной режим, играй громче музыка – шоу маст гоу он!

7.

Спал ли, не спал ли ночью – утром на балкон, матушка, на экзерсисы. Вдохнуть полной грудью морского воздуха, насмотреться на потрясающие виды, раскинуть руки и полететь... Когда-нибудь так и будет, когда завершаться дела мои на этой земле. А сейчас – чашечка крепкого сладкого кофе, чеддер на кусочке черного хлеба. Последние лет пятнадцать мой завтрак выглядит именно так. Не завтрак – песня. Ну а обед и ужин могут быть какими угодно. Они, согласно крылатому выражению, подразумевают активное участие третьих лиц. И, если в первом случае просто дружки уменьшается количество съеденного, то во втором нужно быть предельно внимательным. Ибо ужин всегда достаётся победителю.

Сегодня в программе – экскурсия в старый город и небольшой шопинг, всё это после полдника, когда немного спадёт дневной зной. До обеда я свободна, и нет для меня лучшего времяпрепровождения перед ответственным событием, чем лёгкий освежающий сон.

Я люблю розы, они в моём садочке везде, где только возможно, над нагретой землёй плывет их сладкий аромат, а

удобный гамак ждёт меня в тени старого инжира. Сны здесь тоже волшебные. Я затем и прихожу сюда – чтобы увидеть волшебный сон. Я заслужила.

Легкая дымка забытья приоткрывается над совсем другим садиком – там нет розовых кустов, зато цветет сирень. Как я её люблю... Зелень ещё свежа, начало лета, у дачного домика – качели. На них, крепко ухватившись за верёвки и отталкиваясь босыми ножонками от земли, смеётся и кричит мне что-то маленькая Сашка.

Звук – вещь, имеющая обыкновение запаздывать во времени. Здесь, на другой стороне земного шарика, через много лет я, наконец, слышу её звонкое «мама! кач-кач!» и просыпаюсь.

Сегодня машину ведёт Ахмет – у него не заколет внезапно сердце, не соскользнёт с руля онемевшая рука... Да и в деле организации лёгкого пикника на природе он незаменим.

В «домике под соснами» шум и беготня, кричит с лужайки что-то в распахнутые окна Эрик, роняя из набитого смеющегося рта кусочки еды на аккуратный газон. Выскакивает на крыльцо, придерживая спадающее с шоколадного тела полотенце, Сашка. Собирает в корзинку рассыпавшиеся по зелёной траве апельсины Юля. Обычное милое семейное «утро в сумасшедшем доме». Давится смешком за моей спиной Ахметка, хлопает калитка.

Я переступаю некий условный круг, его границы хотя и виртуальны, но вполне ощутимы. На этот случай я тоже

знаю заклинание преодоления. Да, то самое – «вдохни-выдохни-скажи». Только сказать не успеваю, меня опережает Эрик, успешно проглотивший то, что не выронил, смеясь – «Здравствуйте, Лизавета Владимировна!».

Здравствуйте, мои милые, здравствуйте. Я могла бы остаться для вас просто тётушкой-экскурсоводшей, пусть даже слегка с тараканами, в чём не без основания подозревает меня малыш Эрик. Но без двойного дна. Мы бы, конечно, подружились за две недели вашего заслуженного отдыха, плакали бы при расставании, потом какое-то время переписывались, потом – просто иногда вспоминали. Чем дальше, тем реже, но всегда тепло. Так обычно и происходит меж людьми...

Нам же предстоит иное – сплестись корнями и ветками, прорасти общей кровеносной системой, дышать и думать вместе.

Когда человек приходит на землю, падает звезда. Это душа обретает временное материальное убежище, суть которого – не дать звезде погаснуть. А по прошествии времени, вернуть на небосклон. И желательно – ярче. Вот и всё наше земное предназначение.

Пути же исполнения его многовариантны. Хочешь, как говорится, пой, хочешь – на гармошке играй.

8.

Ну, что, готовы? Поехали?

Теперь я тоже пассажир. Мы вполне по-девичьи, втроём, уместились на заднем сидении, ещё и место для небольшого багажа осталось. Соблюдать свои габариты полезно не только для персонального здоровья, но и для, что называется, взаимной вежливости. Ахмет и Эрик впереди непринужденно общаются на английском – что-то о машинах, дорогах и приключениях, как и подобает самодостаточным парням.

Мы же обсуждаем красоту окружающей нас природы, температуру воды и воздуха, исторические достопримечательности, местные нравы и обычаи, перспективы грядущего шопинга, меню пикника и немножко, шёпотом, своих спутников.

Приличные женщины и должны воспевать окружающую действительность, прилагая все усилия к тому, чтобы она стала ещё краше и удобней для обитания. И делать это ежедневно, без помпы и надрыва.

На жестковатой приморской травке, соседствующей с белым песком дикого пляжа, походная скатерть-самобранка. Фрукты-ягоды, помидорчики, лучок, бутылка белого вина, экое лакшери, в ведёрке с тающими кубиками льда. У кромки абсолютно спокойного моря – угасающий костерок, уже отдавший жар углям. По ним рябью пробегают красно-фиолетовые сполохи. На большом глиняном блюде рядом – нарезанные на шампуры розовые куски мяса, чередующиеся с разноцветными кружочками овощей.

Кабы я была художницей, как Сашка, непременно запе-

чатлела бы этот натюрморт в холстах и масле... Повесила над камином и долгими зимними вечерами, покачиваясь в плетённом кресле перед огнём, укрытая теплым пушистым пледом... Стоп, женщина! Какие «долгие зимние вечера»? Зимы здесь не бывает, долгих вечеров тоже. Это не ваше муви, это навеяно. И вообще, вы, кажется, вздремнули в своём походном шезлонге. Возможно даже – всхрапнули... Хорошо, что вся весёлая компания плещется-резвится в море, брызгаясь и хохоча. Очнитесь, матушка, похлопайте веками, сфокусируйте уплывший было взгляд, и дайте знак мужчинам, что угли готовы.

Еда и вино в приятной компании приобретают помимо вкусовых качеств и некую эмоциональную окраску. Эти впечатления тонкого плана накладываются на грубые органолептические, придавая обычной пище некий «вкус плюс». Который мы впоследствии, в иных обстоятельствах, не можем обрести, даже в точности воспроизведя всю рецептуру блюда. Задаваясь при этом мучительным вопросом «ну почему тогда было вкуснее?». Да потому что. Эмоции – те же специи. Ими приправляют как жизнь целиком, так и отдельные её составляющие.

Кто и когда ещё сможет собрать нас вот так – на берегу тёплого моря, за скатертью-самобранкой? Испытывающими крепнущую взаимную симпатию. Здоровыми и весёлыми, предвкушающими ещё много таких же замечательных дней в этом земном раю. Открытыми друг другу и судьбе.

Ни у кого из вольготно расположившихся на полянке у костра, обретшего второе дыхание, нет ни двойного дна, ни плана Б. Эта свобода от запланированной игры делает людей счастливее и красивее. Кому как не мне, как бы сморённой внезапным сном в походном шезлонге чуть в сторонке, это знать. Кому, как не мне, старой шпионке...

9.

Было решено продлить наш пикничок до утра – с ночными купаниями и прыжками через костёр, с демонстрацией при свете звёзд и луны благоприобретённых на местном базаре нарядов в стиле «этно», с играми в угадайку и ещё всем тем, на что горазда креативная, получившая хорошее образование, питание и воспитание молодость. А также много чего повидавшая зрелость. Нет, мне, конечно, предложили вздремнуть на сооружённой в машине мягкой лежанке, но так – не обидно. Не с целью изоляции, а с целью заботы. Однако выбор между сном и весельем очевиден. Даже для таких социопатов, как я.

Под утро, наигравшись, наскакавшись, напевшись и насмеявшись вдоволь, мы возлегли у костерка встречать рассвет. Есть ли что-нибудь более завораживающее, чем зрелище рождения солнца из морских пучин? Кто видел это, тот, наверняка, обрёл в своей внутренней копилке некий увесистый кусочек вещества, способного стать эквивалентом многих мирских ценностей.

Впоследствии его можно использовать для решения очередного жизненного квеста, например. Или просто для индивидуального жизненаслаждения. Или для того, чтобы альтруистически поделится с ближним... Что мы кладём в эту копилку и для каких целей потом изымаем, каждый решает для себя сам.

Я смотрю на лица, омытые мягкими лучами новорождённого солнца. И вижу, что они – другие, в знакомых чертах присутствует что-то новое, они будто подсвечены изнутри. Как на картинах старых мастеров. Вся эта физика и метафизика переполняет мою чашу жизненных впечатлений, и я засыпаю, дабы её не расплескать.

Ах, слишком долго я бродила в жизненных потьмах, совершая все возможные и даже не совсем возможные ошибки. Зачем Создатель оставил меня на этой шахматной доске, зачем не смахнул в дымную окончательную бездну? Может быть потому, что у него ещё есть план...

Чем длиннее тёмный путь, тем светлей и пронзительней рассвет. Главное, чтобы он состоялся ещё в этой жизни.

Мысли, приходящие в снах, редко доживают до утра... За исключением снов волшебных, приключившихся на рассвете, под нежный шелест волны. Что шепчет она гладким камешкам, драгоценной морской россыпи? А достанешь такой самоцвет из воды – и на ладони просто серая галька.

Эх, играй гармонь, то бишь музыка из всех углов и панелей нашего авто, залетай в открытые окна встречный ветер,

ерошь волосы, проявляй и высушивай слёзы, обдувай загорелые плечи... Жизнь и вправду иногда похожа на сказку. Если ей не мешать.

10.

Сегодня у меня – выходной. Это – пустой гулкий дом и полное отсутствие волшебных, да и каких бы там ни было, снов в моём розовом саду под старым инжиром, он же фиговое дерево... Фигу вам, женщина, а не сон. И я внутри – пустая и гулкая, как оставленный дом. И сердце моё не здесь, и я не я. Время зеро. И только истинный ценитель жизни, её раб и господин знает, что сие не проклятие, а – благодать.

Да и давненько я «не брала в руки сашек», пора начинать тренировки. Только тренировать-то буду не материальную оболочку, а её виртуальное продолжение. Органы «+1» – второе сердце, третий глаз и далее по списку. Да, мои милые, я старушка с двойным дном. И ещё, как говорилось в одном странном, но тем не менее, весьма популярном фильме, «в моих глазах жажда большего». Как уж она там завелась, бог весть. Но это такая ядерная штука, такой персональный реактор, который, однажды запустив, уже не заткнёшь. А уж коли сподобил Всевышний на обладание сим, то не на преследование ж личной выгоды и иных персональных удовольствий, это так, попутно. Наверняка, для чего-то более важного...

А что может быть более важным, чем служение Отчизне?

Нет, никаких там убого-лукавых «я работаю на правительство» ... Не родные берёзки и вечные снега, а – великая, великолепная, священная Земля. И звёзды над ней есть души её лучших детей. Ты и она – одно. Она в тебе всегда.

А что касается буржуазных выдумок за всякие ностальгии, так то, хорошие мои, муки совести, извечная судьба предателей.

Поднимаюсь по лесенке на чердак, впрочем, названия эти весьма условные. Лестница у меня широкая, витая, с гладкими деревянными ступенями и коваными перилами, чердак же – скорее дополнительный, скрытый от посторонних глаз этаж. Почему скрытый? Да потому, что там у меня оборудован вполне себе наблюдательный пункт. С которого открывается ещё более захватывающий вид, чем с уже воспетого мной балкона. Отсюда, воспользовавшись специальными оптическими приборами, возможно разглядеть не только Дарданеллы, но и самоё Босфор. А также всё, что там происходит.

Ещё с десятков лет назад сии наблюдения были очень актуальны... Сейчас же этот шпионский пентхаус, как и наш извечный бронепоезд – стоит на запасном пути. Здесь чистота и порядок, даже пыль не заводится. Да и какая пыль на такой высоте, разве что звёздная.

Попутно осматриваю окрестности моего замка-дворца. И отмечаю некое неожиданное шевеление в домике по соседству, где-то на расстоянии полукилометра. Навожу туда ви-

зуализатор и наблюдаю, как по запущенному садику гуляет господин вполне приличной наружности, бородкой, высоким лбом и аккуратностью костюма похожий на Ильича в эмиграции.

Гуляет господин вполне себе по-хозяйски, даже как будто напевая при этом что-то романтическое. И не шлягер какой-то, судя по артикуляции, а, скорее, арию из оперетты. Вот и соседку, как говорится, бог послал. Последние лет пять домик стол нежилой, но, судя по всему, под охраной – я видела, как несколько раз туда наведывался наряд местной жандармерии, наверное, срабатывала сигнализация.

Места тут у нас дикие – скалы, лес, крутой обрыв к морю, самое цивилизация начинается чуть ниже. Зверье здесь иной раз шастает, преступный элемент, да туристы-экстремалы. Признаюсь – не одно ружьишко в укромных местах моих владений припрятано, не одно. Дом и должен быть крепостью, а иначе какой в нём смысл.

Ну вот, только хотела поскучать как следует...

Сейчас я тебя, Ильич, сфотографирую, а фотку твою в программку запущу. Да и узнаю быстренько, кто ты есть такой тут взялся. И с какой целью. Ну, если, конечно, это благородное лицо не приставное. Результат, так сказать, определённых пластических манипуляций.

Нет, не успел ты, Виктор Петрович Савушкин, ничего сделать со своим фейсом. И не мудрено – похоронили тебя всего два дня назад на одном из подмосковных кладбищ, искренне

оплаканного «родными и близкими покойного».

А ещё говорят, что здоровье не купишь. Жизнь можно купить, целую жизнь.

Впрочем, это не такая уж и редкая история. Бизнес, особенно не маленький, вещь опасная – сегодня ты на вершине, а завтра уже катишься вниз, цепляясь за чахлые кустики и травинки. А внизу наготове шакаля стая, дабы порвать упавшего на мелкие клочки. Не осуждаю я Виктора Петровича, не осуждаю. Сама не раз подобным образом выходила из безвыходных ситуаций.

Да и кто знает, может быть, здешний рай наш вполне себе настоящий. И все мы, пребывающие ныне в это благословенном краю – праведники, его заслужившие...

Тем временем на землю пал вечер, затрещали в кустиках цикады, появилась безупречно круглая луна на тёмном бархате неба, поднялся ветерок, откинул лёгкие занавески на окнах, принёс в дом волшебные запахи сада. Вышло на охоту хищное зверьё, затаилось в норках предыдущее звено пищевой цепочки.

Пойду-ка и я отдыхать в свою норку. Завтрашний день всё равно сам себя срежиссирует. Утро вечера мудренее. Утро – время смиренных и радостных, Богом любимых.

11.

Ах, как мы встретились назавтра! Не зря умные люди советуют делать небольшие перерывы в общении, даже когда,

казалось бы, нет нужды в расставании. Объятия, поцелуи... Ахмет, не даром со мной нет, не просился, он уже большой мальчик, но так уж намекал, так намекал. Знал, что и ему повезёт обняться с сухим, горячим, пахнущим солнцем и морем Сашкиным тельцем, соприкоснуться смеющимися губами, щеками – как получится. Если человек позволяет тебе нарушить границы его приватного пространства, это, как говорится, уже необратимый процесс... Нет, не взяла я его. Из вредности.

Наобнимавшись, нацеловавшись, скороговоркой обозначив самые важные новости за прошедший день, сели чаёвничать под упоительно пахнущей солнцем сосной. Эрик, поёрзав на стуле приличествующие застолью пять минут, незаметно испарился – только мелькнула пёстрая рубаха за калиткой. Девчонки, многозначительно переглянувшись, поведали мне о подруге, образовавшейся не далее, как вчера, во время вылазки в город.

Ох уж эти курортные романы и романчики, кружение головы... молодость! Не успели мы допить по второй чашке чудесного чая с не менее чудесными сладостями, как уже и подруга была явлена. Милая, застенчивая девчушка Дашенька, пока не окончательно расставшаяся с ампула гадкого утёнка. Но уже просматривался, просматривался в ней будущий королевский размах белых крыльев... Ай да Эрик. А уж как галантен малыш, как распушает воображаемый красочный хвостик. Загляденье.

Чайный столик незаметно превратился в обеденный, а там и солнышко скатилось, после освежающего купания. Летели на садовые фонарики заплутавшие бабочки, заливалась в кустах птичка-невеличка, налетал лёгкий ветерок, тянулись цепочкой вверх пузырьки в бокалах... Ещё пять минут, и я встану, ибо уже пора, побряхывая и незаметно смахивая нечаянную стариковскую слезинку. Не допустить бы ещё чего нечаянного... Нет, пожалуй, этот образ – уж слишком. Встать и попрощаться нужно легко, а исчезнуть практически незаметно, как давеча Эрик. Я тоже так умею.

И вообще, я умею многое... Это не пришло само собой, умения нарабатывались годами тренировок, через пот и слёзы. И частенько – через кровь. Впрочем, данные органические жидкости жалеть не стоит, их у нас с большим запасом.

Однажды я потеряла почти половину своей кровушки, в результате внезапного повреждения телесной оболочки. Ничего, восстановилась. Походила какое-то время страшная-тощая с впавшими глазницами, а потом стала как Марфушечка-душечка – краше, чем была. Нет потерь без приобретений. Возможно даже теряя самое жизнь, мы приобретём что-то новое, лучшее...

12.

Мне же предстоит подготовиться к ответному визиту. Завтра я принимаю гостей. Возможно, завтра, что называется, и карты будут вскрыты... Можно, конечно, и повреме-

нить с этим, поприкидываться ещё недельку божьим одуванчиком. Но, с другой стороны, нельзя перейти и ту временную грань, за которой иллюзия становится обманом. Откуда уже нет пути назад.

Пойду-ка сделаю список необходимого для завтрашнего званого обеда, да направлю Ахмета к приватному повару, услугами которого пользуюсь время от времени, не так чтобы часто. Модные нынче буржуинские изыски... Это раньше приходилось для гостей салаты вечерами строгать да горячие блюда до изнеможения готовить, в прошлых-то жизнях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.